

У каждого человека есть свой космос, своя ракета и свой Гагарин. Так, по крайней мере, было в наше время. Я роди-

лась на год раньше полета Гагарина. А в два года я стояла на табуретке и читала, плохо выговаривая букву «р»:

*Летит, летит ракета
Вокруг земного света,
А в ней сидит Гагарин,
Простой советский парень...*

И все мне было в этом стихе понятно и близко. И ракеты я видела на ВДНХ в павильоне «Космос», жили рядом, ходили с папой и мамой туда гулять, и на наших глазах взметнулся вверх памятник покорителям космоса, такая летящая вверх ракета, и круглый земной свет, голубой, нарисованный шар, похожий на голубой колобок. И, конечно, простой советский парень Гагарин тоже был мне знаком. Можно сказать, он был знаком каждому в нашей стране. Везде висели и печатались его портреты, и он был каждому старший брат, отец, сын, друг, самый близкий человек после мамы с папой.

Мой папа дружил с ним, и у них было много общих дел, они ездили к писателю Шолохову вместе с другими писателями на Дон, в станицу Вешенскую, там переплывали вместе Дон, и папа едва не потонул, как он рассказывал, потому что не был такой тренированный, как Гагарин. Но Гагарин вовремя уловил его эту усталость и обратно

поплыл потише, да и держал в поле бокового зрения слабачка. Потом папа, историк, вместе с поэтессой и филологом Ларисой Васильевой рассказывали Гагарину о всяких древностях, русской истории, показывали древнерусские красоты Суздаля, Владимира... Тогда же он сказал, что хотел бы, чтобы кто-то из его девочек, дочек, занялся изучением искусства Древней Руси, как бы это было здорово, и где бы это можно было сделать? И они рассказали ему об искусствоведческом отделении на историческом факультете Московского университета. Он мечтал, чтобы кто-то из девочек там учился. Так все и случилось. Все мечты у Гагарина сбывались. Или не все? По крайней мере, те, о которых мы знаем. Его дочь Леночка училась на историческом факультете на искусствоведении на год старше меня, с моим будущим мужем Сашей на одном курсе, была, по воспоминаниям всех мальчишек с курса, доброй и незаносчивой, но сдержанной,

– Слушайте, гвардия, а давайте возьмем лодку и отправимся с вами в путешествие, ловить крабов! Нет возражений?

Ну, тут мы запрыгали до самого неба, глаза наши стали круглыми, и мы слегка потеряли дар речи сначала... От нас родители слегка отмахивались, отпуск все-таки, и почитать, и позагорать хочется, не больно-то нас баловали совместными играми, а тут... Сам Гагарин предложил плыть с ним на лодке! Да это все равно что полететь с ним в космос на одном корабле... Никакой разницы. Оттого мы в первую минуту онемели, а потом заорали во все горло наше русское «Ураааа!», а Гагарин быстро натянул треники, вьетнамки и пошел к лодочной станции, махнув нам рукой следовать за ним.

– Айда, гвардия!

Мы потянулись за ним гуськом, подпрыгивая и на ходу застегивая сандалии, натягивая панамки. Вместе, с заливчатскими криками столкнули лодку в прозрачную утреннюю воду. Гагарин сел на весла, а нас, человек семь или восемь разного возраста ребяташек, в том числе и своих дочек, Лену и Галю, рассадил на корму и на нос, чтобы распределить примерно одинаково по весу. Какой же он был смелый, сейчас чужих ребяташек никто не повезет кататься на лодке, вдруг бултыхнутся, оступятся, а ты отвечай. Он же всех как-то контролировал, подбадривал, кое-кто из нас немного боялся, и мощно загребал веслами воду. Мы поплыли к пещерам. Берег был скалистый, с навесами из пещер, большими валунами и камнями на берегу и камешками на дне, среди которых, загребая большими клешнями в бок, ползали крабы, зарываясь быстро-

быстро в дно, в песок или забиваясь между камнями. Был утренний штиль, тишина, только всплески от весел, дно светилось изнутри, играя камешками, вокруг прыгали солнечные зайчики, расплываясь золотыми пятнами по поверхности воды, лучи солнца падали в воду и скользили по дну, вылавливая и высвечивая для нас дивные причудливые картинки. Мы вглядывались в них, свесившись по бортам, но цепко держались за боковину лодки. Как же, нельзя подвести первого космонавта Земли, это уж мы все понимали.

Всплеск – волна, всплеск – волна... а вокруг небывалая тишина и покой, море сливается с небом, и светлые глаза человека-вселенной, лучшего человека Земли напротив. Так выглядело счастье... Так в моих воспоминаниях-ощущениях выглядит оно и до сих пор.

Лучший человек Земли и Неба – так считала и моя любимая бабушка Настя. Она, конечно, не давала таких формулировок, была не шибко грамотной, но точно знаю, что была очень мудрой и рассудительной. Она-то и почитала Юрия Алексеевича, кажется, даже видела и потчевала его у нас дома своими знаменитыми варениками с вишнями. Валерик, любимый зять, после этого подарил ей большую высокую фотографию Гагарина в железной окантовке, такие делали для подарков в издательстве «Молодая гвардия», где он был директором. Такую же подарили и моей сестре Галке, когда она поступила в Москву в «Станкин», и она стояла у нее в студенческом общежитии рядом с кроватью, встречая сестренку улыбкой. И вот бабушка тоже устроила эту высокую фотографию улыбающегося Гагарина на свой чудесный комод

в центре зала. Комод был покрыт белоснежной накрахмаленной салфеткой, и там стояло все самое красивое и интересное: раковина с шумом моря, сувениры, которые привозила ей мама, графин золотая рыбка с рюмочками тоже в виде рыбок с золотым ртом, что-то еще, весьма занимательное для нас, детей, но что нельзя трогать, «потому что разобьешь»... Там, рядом с большим Гагариным, стояла и какая-то старинная открытка религиозного содержания, теперь уж не помню какого, но много раз видела, как бабушка с утра стояла у комода и что-то шептала, были в этом неразборчивом шепоте и слова «Отче», «Небеси», «иже», и «богородицу» она припевала едва слышно, и еще что-то, что я не совсем понимала. Я ничего не знала религиозного, но отчего-то понимала, что бабушка молится. У нас об этом никогда не говорили, нельзя, папа коммунист и начальник, а больше всего бабушка боялась подвести своих детей. Хотя все праздники у нас справлялись, и Пасха была лучшим днем на свете.

Так вот, бабушка стояла у комода, смотрела, как мне казалось, на Гагарина и молилась. Я наблюдала за этим сквозь смеженные ресницы и думала о том, что это лучший человек Земли и Неба, даже, может, и Бог, ну или его самый любимый сын, или почтальон с Неба. Мне тогда очень нравились почтальоны с их кожаными сумками, которые приносили каждый месяц бабушке пенсию в двадцать рублей «по потере кормильца», она становилась такой радостной, и мы шли с ней «под больницу» за мороженым.

И вот я с этим чудо-человеком, подобным какому-то высшему существу, плыву в одной лодке,

загребая правой рукой воду за бортом и слегка поеживаясь от брызг, соскользнувших с его весла. Так выглядит счастье.

Пока я мечтала, мы подплыли к берегу, выбрались из лодки и заскакали по камням, высматривая крабов. Юрий Алексеевич затащил лодку подальше на берег, сбросил треники и, слегка переваливаясь с ноги на ногу, потому что камешки впивались в подошву, подошел к нам.

– Ну, гвардия, знаете, как краба надо ловить? Он же что, боком вон от вас улепетывает, да как быстро... А вы должны точно его разглядеть, вода-то все искажает, потому надо не торопиться, не спугнуть его, разглядеть и, хватать за бока. Обязательно за бока, чтобы он своими клешнями в вас не впился... Как будто под мышки его взять...

И он ловко ухватил первого краба, который неспешно передвигался под большой валун, еще не подозревая, какая честь его ждет!

Ну, что тут началось! Мы все кинулись на бедных крабов, которых и разглядеть-то не успели, и не каждый на своего, а всем гуртом на одного, тут пошли крики и стоны, потом слезы, и горькие, надхватывшими нас клешнями крабами. Гагарин хохотал, подхватывал нас и отнимал нас у крабов, побежал по воде к лодке, схватил пакет, и мы начали собирать в него добычу.

Сквозь воду крабы казались большими, но вода с лучами солнца преломляла все, получались линзы, которые увеличивали изображение, поэтому по дну ползали большие чудовища с выпученными глазами, а в мешке оказывались малюсенькие абракадабрики с глазками-пуговками на ниточках

и маааленькими клешнями. Меня это веселило, а потому я не столько ловила, сколько рассматривала пойманных сквозь пакет с водой, который держал Гагарин. Он обернулся ко мне, почувствовав на себе чей-то внимательный взгляд, и его улыбка соединилась со снопом солнечных лучей в один какой-то переливающийся золотом шар:

– Ну что, Маринка! Будем вечером с тобой кефир пить! Заработали на кефир? Вон сколько крабов наловили... И, подмигнув, подхватил меня под мышки, усадил на большой валун. Я согласно кивнула в ответ, уже ничуть не смущаясь...

Это была еще одна наша с ним история. В первый же день маму с папой и меня усадили с семьей Гагариных за один стол в столовой. Папа был с ним в друзьях, а мы-то с мамой видели его в первый раз. Для нас он был небожитель, как сказал о нем папе знаменитый скульптор деревянных скульптур Коненков. Но Юрий Алексеевич умел в несколько минут расположить к себе, вести себя так, что ты сразу забывал, кто перед тобой, а чувствовал себя как будто ты его сто лет знаешь, он твой сосед или друг, который совсем не кичится ни своей знаменитостью во всем мире, ни своей усталостью от людей, а, наоборот, для него очень важно, что ты думаешь, как ты себя чувствуешь рядом с ним, не доставляет ли он тебе каких-то трудностей, не смущает ли тебя... Удивительный дар был у него. От Бога. Дар любви. К людям, к детям, к миру.

И он сумел в несколько шагов так расположить маму к себе, что в ответ на его шутки, прибаутки, папины веселые истории, она решила рассказать про меня. Кажется, в

тот момент за столом меня уже не было. Намучившись с моим кормлением, меня отправляли гулять, «чтоб не позорила перед людьми», сурово взглянув на меня, шепотом добавляла мама. Вообще-то мамы всегда рассказывают веселые истории про своих детей. Так делала моя мама, так делаю я, рассказывая заодно теперь и про внуков.

И моя мама рассказала, что когда меня спросили при чтении этих знаменательных стишков «Летит, летит ракета вокруг земного света, а в ней сидит Гагарин – простой советский парень», а кто такой Гагарин, то я, не моргнув глазом и не раздумывая, мгновенно ответила: «Это тот, кто пьет кефир...» В саду была немая сцена, а мама говорит: «Это потому, что ей все время говорила нянечка, когда она не хотела пить кефир, она его не любит, пей кефир и будешь, как Гагарин. В космос полетишь. Он тоже много кефира пьет». Гагарин хохотал, сказал, что всяко его называли, а вот кефиролюбом, кефироедом еще никто не называл, и теперь всегда подмигивал мне, когда на полдник или на завтрак нам подавали кефир. Ну, тут уж куда не денешься – надо было пить, даже не сморщившись.

Обратно возвращались мы слегка «разваренные», столько переживаний, да и солнце нас поджарило, а я быстро «сгорала». Но на обед нам, ребятишкам, дали по вареному крабу, и мы гордо делились с родителями, поглядывая на Гагарина как на нашего предводителя и закадычного друга. Все-таки вместе на «охоту» ходили, добытки...

А после обеда все были на пляже. Лениво отдыхали родители за

книжкой, разговорами, шахматами, мы строили что-то из камешков, выковыривали креветок, зарывавшихся в песок на островках перед водой. От Артека нас отделяла металлическая сетка-забор и длинный, уходящий далеко в море мол. Вдруг за молотом все мы увидели точку, которая поворачивала к нам, сначала стремительно, а потом все тише и тише, видимо, устал человек... За забором был слышен гомон детских голосов, когда всей ватагой пионеров запускали в море, потом нестройные пионерские песни, которые постепенно становились звонче и стройнее, когда пионеры шли на обед. Это была дружина «Морская». Мы же завидовали этим детям со своего берега и мечтали когда-нибудь побывать в «Артеке» – республике счастливых. Так и будет, в 6 классе я буду распевать песни в «Морской» дружине, но это уже другая история...

Постепенно точка в море превратилась в человека, и вот мы уже видим молодого кудрявого парня, который вылез из моря и решительно направился в сторону Гагарина, судя по всему узнал он первого космонавта сразу... Все немножко насторожились, папа поднялся с лежака и придвинулся поближе к Юрию Алексеевичу. Парнишка же, слегка смущаясь, тяжело дыша, обратившись сразу к Гагарину:

– Дорогой Юрий Алексеевич! Пионеры нашей дружины «Морская» узнали, что вы отдыхаете рядом, и меня направили к вам! Мы вас очень, очень просим... Он запнулся, сжал руки в кулаки, как бы показывая, как сильно они просят Гагарина, и повторил:

– Мы вас очень просим, приезжайте к нам в гости... Потом оглянулся на всех нас и добавил:

– У нас и пироги будут к ужину... С яблоками. И костер...

Гагарин заразительно рассмеялся, взглянул на сразу огорчившуюся жену, дочек, на нас всех, понимающих, как мало он отдыхал от людей, от выступлений, как мало бывал с женой, дочерьми, с друзьями... Как он, наверное, устал от людей... И парень это все почувствовал в наших взглядах, как-то сразу сник, но Юрий Алексеевич не дал ему даже никакого повода загоревать, тут же поднялся, пожал ему руку и сказал:

– Тебя как зовут?

– Павел. Старший пионервожатый...

– Ну раз просят, Паша, надо уважить нашу пионерию... Да еще пирог... С яблоками. Мой любимый... И махнул залихватски рукой в сторону «Артека». Тут все облегченно, включая Пашу, засмеялись. Паша стал благодарно трясти руку Гагарина, повторяя: «Спасибо! Спасибо! Вот уж спасибо так спасибо!» и, не сказав больше ни слова, ни как Гагарин к ним доберется, ни когда приходить, бросился к морю, бултыхнулся и мелкими саженками поплыл обратно...

Вечером Гагарин вернулся со встречи, рассказывал, угощал нас пирогом с яблоками, которым его нагрузили с собой, а я на всю жизнь запомнила эту его невероятную отзывчивость и то, что ни тени неудовольствия не промелькнуло на его лице, ничем он не обидел этого Пашу и пионеров, хотя как он устал, встречаясь со всей планетой, отвечая на вселенскую любовь к нему... Сколько было этих встреч, сколько надо было рассказывать и просто истуканом стоять, чтобы все просто смотрели на тебя... И ни одного недовольного взгляда, ни одной

недовольной искры в глазах. Ясный, доброжелательный, открытый взгляд таких родных глаз. «Чистосердечен. Чист душой и телом», – прочитала я в психологической характеристике на него при принятии в отряд космонавтов. Вот это точно! Чист душой и телом.

Теперь, когда я, как редактор и человек с большим кругом общения, иногда устаю от людей и мне хочется сказать: «Ребята, я так устала от встреч, от общения, давайте пропустим в этот раз, приходите через недельку», я всегда вспоминаю Юрия Алексеевича Гагарина на том, артековском берегу, и мне становится очень стыдно...

Моя дочка, когда работала в школе первый год в 2000-е годы, рассказывала как-то про Гагарина своим шестиклассникам. Она умела зажечь, а потому дети слушали ее, замерев, почти не дышали. И тут девочка с первой парты произнесла: «А какой он был, Гагарин?» Это было время, когда еще все советское было не в чести и вместе с коммунизмом вылили на свалку все, в том числе и космос, и Гагарина, и станцию «Мир». Дочка с разбегу остановилась и никак не могла взять в толк, о чем она? «Ты никогда не видела?» – «Нет». – «А

кто еще не видел?» – и поднялся лес рук. Весь класс. Тогда Настя бросилась ко мне на работу, мы искали в интернете лучшие фотографии Гагарина, среди них была и та, бабушкина. А потом весь вечер распечатывали их на струйном принтере. На следующий день она подарила каждому в классе портрет Гагарина на память и еще пол-урока рассказывала в обход программы о первом космонавте Земли.

Его портрет-открытка, молодого, слегка улыбающегося, в военной форме, стоит у меня и сегодня дома среди фотографий родителей, родственников, дочери и внуков, как будто это мой родственник, родня, родова. Так и есть. Моя родня, несравненно ближе мне родственников с той стороны майдана. И мне нравится бросать иногда взгляд на моего Гагарина. Чистого душой и сердцем. Лучшего с планеты Земля.

Такой он, мой Гагарин. Лучший из лучших. Сын Земли и Неба. Друг моего отца. Человек большого сердца и души. Сын великой страны, которой больше нет – СССР. Нет, не так. Великой страны, в которой я родилась и которая всегда в моем сердце вместе с простым советским парнем Юрием Гагариным.

